

Т. И. Ерохина, Д. С. Сандросян

Экзистенциальные мотивы в корейской дораме (на примере драмы «Токкэби» / «Демон»)

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, грант № 15-03-00655
«Пограничность как философско-эстетический модус русской культуры»

В статье рассматриваются ключевые понятия экзистенциальной философии (бытие, экзистенция, существование, человек, пограничная ситуация, пограничное состояние), выявляются экзистенциальные мотивы в корейской дораме на уровне сюжета, хронотопа, персонажей.

Ключевые слова: экзистенциализм, бытие, существование, пограничная ситуация, пограничное состояние, миф, символ, драма, хронотоп, персонаж.

T. I. Erokhina, D. S. Sandrosyan

Existential Motives in the Korean Drama (on the example of the drama «Tokkebi» / «Demon»)

In the article key concepts of existential philosophy (life, existence, being, person, frontier situation, borderline) are considered, existential motives in the Korean drama at the level of the plot, chronotope, characters are revealed.

Keywords: existentialism, life, existence, frontier situation, borderline, myth, symbol, drama, chronotope, character.

Человек в течение жизни не раз задумывается о своем существовании, задаваясь вопросами: «Кто я?», «Зачем я появился на свет?», «Существует ли Бог?», «Что есть смерть?» и т. п. Поиском смысла жизни, познанием бытия через собственное существование, преодолением пограничных состояний и обретением свободы через них, попыткой создать картину мира, где человеческое существование и бытие мира неразрывно связаны и находятся в единстве, занимается экзистенциальная философия – «философия бытия человека» [8].

Экзистенциализм, или философия существования, стал отражением умонастроений, преобладающих в общественной жизни 20-х, 40-х гг. XX в. Это время глубоких потрясений, послуживших толчком к переосмыслению человеком своего существования, отношения к миру. Личность отказалась от рационального постижения бытия (мира), как было в классической философии, отдав предпочтение иррациональному. Центральная фигура экзистенциальной философии – личность и ее существование в бытии, тем самым философия экзистенциализма приобретает антропоцентрическую направленность: «Философия жизни обнаруживает человеческую жизнь в качестве той предельной связующей точки, где укоренено все философское познание, а также вообще все человеческие достижения...» [3].

Французский философ-экзистенциалист Ж.-П. Сартр в своем труде «Экзистенциализм – это гуманизм» говорит, что экзистенциализм – «учение, которое делает возможной человеческую жизнь и ко-

торое, кроме того, утверждает, что всякая истина и всякое действие предполагают некоторую среду и человеческую субъективность» [6]. Внимание экзистенциалистов было сфокусировано на индивидуальных смысложизненных вопросах личности и их связи с наукой, моралью, религией, философией истории: отчуждение человека, поиск собственного Я, обретение свободы, смысла жизни человеком, неотделимость бытия мира и человека (бытие равняется экзистенции – человеческому существованию), существование и сущность человека, человек уникальное существо, которое познает свое существование (свою экзистенцию) в пограничных ситуациях (депрессия, болезнь, приближение смерти и т. п.).

Принято различать (хотя и условно) религиозный (христианский) экзистенциализм (К. Ясперс, Г. Марсель, Н. А. Бердяев), предполагающий, что человек имеет невидимые связи с Богом, старающийся различными путями найти утраченную связь человечества с Богом, а также верящий и доказывающий, что человеческое существование без возвращения к вере может прийти к религиозному, духовному и культурному кризисам. В свою очередь, атеистический экзистенциализм (М. Хайдеггер, Ж.-П. Сартр, А. Камю) рассматривает независимую, самостоятельную личность.

Но всех философов-экзистенциалистов объединяет «убеждение в том, что существование предшествует сущности» [6]. В качестве подтверждения своего высказывания Ж.-П. Сартр приводит пример с ножом. Так, сначала ремесленник думает, как из-

готовить нож, из каких материалов. Именно эта совокупность действий и качеств является сущностью ножа, предшествующей его существованию, а нож в качестве материального объекта – существование. Иначе дело обстоит с человеком: Бог-творец, подобно ремесленнику, также задумывает человека, но для экзистенциалиста человек первоначально ничего собой не представляет, он становится человеком (важно отметить, что именно таким, каким сам себя захочет сделать), проживая свою жизнь. То есть человек только во время своего существования и при его помощи начинает представлять себя и проявлять свою волю и благодаря этому постигать свою сущность, а до этого он просто существует: «человек сначала существует, встречается, появляется в мире, и только потом он определяется» [6].

В экзистенциализме понятие существования применяется лишь к человеку, обозначая только человеческое существование. По мнению Ж.-П. Сартра, «даже без существования бога есть по крайней мере одно бытие, у которого существование предшествует сущности, бытие, которое существует прежде, чем его можно определить каким-нибудь понятием, и этим бытием является человек» [6]. Но важно упомянуть об еще одном ключевом понятии экзистенциальной философии – это бытие. Согласно М. Хайдеггеру, фундаментальная онтология должна начинать с вопроса о бытии: «бытие – самое общее понятие, которое охватывает все сущее» [7]. И одним из главных понятий философской системы М. Хайдеггера становится термин *Dasein*, которым обозначается сущее, имеющее возможность спрашивать бытие и рефлексировать о нем.

Вводя это понятие в философию, М. Хайдеггер, в отличие от Г. В. Ф. Гегеля, у которого *Dasein* имеет самый низкий онтологический статус, обозначает им «всю реальность, с которой от рождения и до смерти имеет дело данный, незаместимый в своей самобытности индивид» [7]. Тем самым, заменяя понятие *существование* на равнозначное *Dasein*, М. Хайдеггер придает ему специальное значение – понятие личного бытия. Его важнейшей стороной становится неразрывность человеческого бытия и мира: «Человеческое бытие никогда не выступает как изолированный субъект, существование других, себе подобных, изначально известно ему, ибо составляет один из моментов его собственной бытийной, априорной структуры» [7].

Понятие «существование» в экзистенциально-философском аспекте восходит к различию между понятиями *essentia* и *existentia*. Под первым имеется в виду внутреннее содержание, то есть сущность вещи, а под вторым – «созданное так или иначе сущее», то есть *Dasein* или реальность данного сущего [3]. Ведя истоки от кьеркегоровского «существующего мыслителя» – беспристрастного, «чье мышление обусловлено определенными задачами и

трудностями его жизни, иначе говоря, чье мышление не является самоцелью, а находится на службе его существования» [3], существование в экзистенциальной философии становится выражением определенного радикального человеческого опыта. К. Ясперс в существовании отмечает присутствие неснимаемого дуализма «Я» и мира, эти отношения подразумевают не только взаимозависимость, но и определенное напряжение: «Этот внешний мир не должен пониматься ни в качестве находящегося в гармонии с человеческим духом осмысленного порядка (согласно объективному идеализму), ни в качестве еще не оформленного материала, позволяющего человеку себя беспрепятственно формировать (согласно идеализму свободы), – нет, отношение между Я и миром с самого начала поддерживает свою особенную остроту за счет того, что мир является чем-то, посредством чего человеческое бытие оказывается существенным образом ограничено» [3], тем самым подчеркивается, что движение существования происходит за счет сопротивления человека и действительности.

Понимание отношения человека к миру невозможно без упоминания о мире подобных ему окружающих людей: «Я существую лишь в коммуникации с другими» [3]. В экзистенциальной философии нахождение человека рядом с другими людьми трактуется как удержание его от подлинности его существования: «...экзистенциальное существование всегда и неизбежно представляет собой выделяющееся на фоне общности существование отдельного человека» [3]. О том же самом нам говорят С. Кьеркегор с его существующим в качестве «единичного» человеком, и К. Ясперс, указывающий на встречу «одной одинокой души с другой одинокой душой, причем не во временном протяжении, а обязательно лишь в коротком соприкосновении» [3].

Выше уже говорилось об определенном радикальном опыте человека, в связи с этим нужно осветить еще одно важное понятие экзистенциализма – «пограничная ситуация». В экзистенциальной философии ситуация не носит случайного характера, она требует от человека преодоления трудностей, тем самым пробуждая в нем активность. «В каждое мгновение своей жизни он уже оказывается в ситуации, которую не выбирал, которая не считается с его желаниями и потребностями, а стесняет его как нечто чужое и враждебное», – подчеркивает О. Ф. Больнов в своей книге «Философия экзистенциализма» [3]. Такие ситуации К. Ясперс называет «пограничными». Важно указать, что здесь граница представляет собой не то, что ограничивало бы человека извне, располагаясь снаружи, а то, что «определяет его в самой глубине его сущности» [3]. Отсюда вытекает и облик этой границы – страдание, борьба, случайность, вина и т. п., которые в

основном рассматривались как что-то случайное, то, чего можно избежать. В экзистенциальной же философии эти моменты неизбежны и имеют решающее значение для существования человека. Поэтому пограничные ситуации представляют собой «такие ситуации, в которых человек подведен к границе своего существования» и поставлен «перед лицом глубокой тревожности своего бытия» [3].

Благодаря пограничным ситуациям происходит формирование полного и конкретного понятия экзистенциального существования, только «на основе понятия пограничной ситуации возникает та значительная острота, которая содержится в понятии экзистенциального существования» [3]. Ясперс в книге «Духовная ситуация времени» делает равнозначными пограничные ситуации и существование: «Познание пограничных ситуаций и экзистенциальное существование – одно и то же» [8].

Мрачные и гнетущие стороны жизненного опыта (настроения уныния и скуки, страха и отчаяния) становятся ключевыми для экзистенциальной философии, а понятия страха и смерти, «упрямо выступающей в качестве окончательной, предельной границы человеческого бытия» [3], – условиями становления подлинного существования [3]. Важно указать, что экзистенциализм не рассматривает смерть как что-то ужасное и окончательное, приводящее человека к концу его существования. Без нахождения человека перед лицом смерти невозможно, по мнению экзистенциалистов, прийти к подлинному экзистенциальному существованию. Смерть рассматривается окончательной и безусловнейшей пограничной ситуацией: «Смерть есть Абсолют для Dasein, экстремальная точка поворота к бытию... она должна пониматься не как конец здесь-бытия человека, но само здесь-бытие должно определяться как бытие-к-смерти» [7], то есть смерть М. Хайдеггер рассматривает как основу формы жизни.

В массовом кинематографе экзистенциальные мотивы, если под ними подразумевать только пребывание персонажей в таких пограничных состояниях, как угроза смерти, неизлечимая болезнь, кома, страдания, – это довольно частое явление, характерное не только для сериалов Запада, но и Востока. В сериалах постоянно создаются драматические ситуации, чтобы сделать их более насыщенными, эмоциональными, иначе сериал потеряет зрителей и его придется закрыть. Для корейских драм также характерна подобная ситуация. Поэтому мы выбрали драму, которая стоит несколько обособленно от всех остальных корейских драм, – это драма «Токкэби», 2016–2017 гг. В киноиндустрии Южной Кореи практически не встречаются драмы, посвященные отношениям человека и Бога, поэтому «Токкэби» является в какой-то мере

нестандартной драмой производства Южной Кореи.

Сюжет. Драма «Токкэби» воплощает в себе стремление соединить трагичную историю любви и историю отношений Бога и человека. Драма напоминает философскую притчу, но, чтобы не наскучить зрителю, приобретает крайне фантазийный характер за счет привлечения фольклорных и мифологических персонажей (Жнец, Токкэби, призраки, демон, Богиня-Мать). На протяжении всей драмы персонажи задаются вопросами, характерными для экзистенциальной философии: «Кто я?», «Для чего я появился на свет?», «Как моя прошлая жизнь повлияла на нынешнюю?», «Что будет после смерти?», «Что будет, если я вмешаюсь в судьбу человека?», «Существует ли Бог?» и т. п.

Создатели драмы поместили в центр сюжета взаимоотношения Бога и человека, попытавшись воплотить не какую-то конкретную религию, а сплав различных религиозных систем, которые находятся в гармоничном единстве друг с другом, делая упор на универсальности, чтобы каждый зритель (не важно, какого он вероисповедания) смог поставить себя на место персонажей. Это отсылки к христианству (Бог-Создатель, существование Рая и Ада, лестница в небеса для праведников, наказание для грешников, мотив Божьего суда), буддизму (понятия кармы, реинкарнации, прошлой жизни: «Говорят, людям дано 4 жизни: жизнь для посадки, жизнь для полива, жизнь для сбора урожая и жизнь для его использования»), мотивом Благородного восьмеричного пути), религиозным верованиям Восточной Азии (Богиня-Мать, вера в духов, мотив суда через чайную церемонию и употребление чая забвения) и т. п.

Н. А. Бердяев отмечает, что в «страдании человек проходит через минуты богооставленности, и через страдание же он приходит к общению с Богом» [2]. Так и в драме – ключевой темой становится страдание, через которое персонажи от веры, что Бог наказал их, приходят к осознанию, что это не так (они прощают себя, свои обиды, понимают смысл своего существования и принимают его). Персонажи сами решают, что делать, какой путь выбрать, что также является проявлением философии экзистенциализма: «Экзистенциализм – это не попытка отбить у человека охоту к действиям, ибо он говорит человеку, что надежда лишь в его действиях, и единственное, что позволяет человеку жить, – это действие» [6]. На протяжении всей драмы тема смерти постоянно присутствует в сюжете: смерть грозит как главным, так и второстепенным персонажам (вплетение в основную сюжетную линию историй других персонажей: смерть матери и ее ребенка, встреча мужа и жены после смерти, так как всю жизнь они прожили в разных частях Кореи из-за ее разделения на Северную и Южную и

т. п.), здесь смерть – это не конечный результат, а лишь испытание, опыт, который необходимо пройти каждому человеку для его экзистенциального существования и соприкосновения с Абсолютом: «Человек должен пройти через испытание всех возможностей, пережить опыт познания добра и зла, и самое зло может стать диалектическим моментом добра» [2].

Хронотоп. Здесь будут рассмотрены пограничные ситуации как еще один экзистенциальный мотив в дораме. Выше уже говорилось о том, что тема смерти присутствует на протяжении всех серий, поэтому здесь целесообразно рассмотреть пограничные места, встречающиеся в дораме. Чайный магазинчик Жнеца – место, которое не могут видеть обычные люди (кроме одного случая, когда мужчина отчаянно искал туалет), в это место приходят души умерших людей (оповещающие о своем присутствии с помощью музыки ветра), Жнец дает им чай забвения (только для праведников, чтобы они могли забыть свою прошлую жизнь и переродиться), совершивших серьезные преступления ждет наказания – Жнец выступает в роли судьи, который выносит приговор каждой душе. За дверью магазинчика находится загробный мир, куда уходит каждая душа после разговора со Жнецом.

Следующее пограничное пространство – это место «между реальностью и загробной жизнью, между светом и тьмой, место, которое покинул даже сам Создатель...». В дораме не называется конкретное название, но можно сравнить его с зороастрийским Хамистаганом, христианским Лимбом, буддийским Бардо и иудаистским Шеолом – пространствами, не являющимися ни Раем, ни Адом, где души вынуждены находиться до Судного дня. Так и в дораме Токкэби находился в подобном месте около десяти лет после своего земного освобождения, не пожелав умереть. Пространство напоминает бесконечную пустынную местность, заключенную между небом и землей, с областями знойных, безжизненных песчаных и заснеженных пустынь.

Непостоянными пограничными пространствами являлись книжный магазин, пространство которого трансформировалось в черную пустоту, из которой вышла Богиня-Мать, и ночной клуб, где Бог вселился в тело одного из персонажей, чтобы встретиться и поговорить с Токкэби и Жнецом. Во время этого события происходит откровение, данное «в духовном опыте, как событие, совершающееся с тем, кому открывается божественное» [1]: время останавливает свой бег, вокруг Бога появляется прозрачная сфера, за которую ни Токкэби, ни Жнец не могут пройти. Вся сцена строится как ответ на вопросы персонажей о существовании Бога и участии его в жизни людей: «Ты когда-нибудь видел

Бога? Люди видят его все время, но нам не суждено его увидеть даже раз...».

Персонажи. Каждый из ключевых персонажей в дораме имеет двойственную природу, начиная с имени и заканчивая его существованием на границе бытия.

Ким Шин (Токкэби) был военачальником эпохи позднего Коре, обвинен в заговоре против короля и убит как изменник. Благодаря мольбам слуг, Бог сделал его Токкэби, но в качестве наказания за убийства людей проклял: обрек на вечные муки (Ким Шин будет помнить каждую смерть близких ему людей, в его груди торчит меч) и скитания в поисках невесты, которая сможет прервать его бессмертную жизнь. После пребывания в пограничном состоянии (на границе между жизнью и смертью во время своей военной карьеры и смерти) этот персонаж сосредоточил в себе две грани существования. От человека остались внешность, воспоминания о жизни, характер. А став Токкэби, он приобрел и свойства нечистой силы (*квисин*): бессмертие, вездесущность, всепроникаемость [4]. Даже в самом слове «квисин» заложен смысл инь и ян – соединение добра и зла. Так и в Ким Шине соединяются обе эти категории (помогает людям в трудный момент жизни, выполняет их желания – наказывает мечом злых людей).

К разряду квисин в корейской мифологии относятся демонов и духов, этот персонаж не является нечистой силой в чистом виде. Во-первых, оригинальное название дорамы *쓸쓸하고찬란하神도깨비* «Одинокий и великолепный богодух»; во-вторых, реплики в дораме («Я как вода и огонь – и существую, и нет»; «Он огонь, вода и воздух. Свет и тьма») говорят о его двойственной природе, но уже между духом и богом. С образом Токкэби в европейской литературе сходен образ вечного скитальца, проклятого Богом Агасфера, вынужденного существовать до Второго пришествия Спасителя. Токкэби вынужден ждать свою невесту.

Даже имя персонажа имеет двойственную природу: 金 (Ким) = золото, железо 信 (Шин) = верить; доверие; вера; исповедовать веру (примечание: иероглиф состоит из двух частей: 人 – человек и 言 – речь, что означает «искренние слова человека», подразумевается, что человек с таким именем остается верным своему слову) [9]. Фамилия Ким указывает, таким образом, на сущность нечистой силы, так как в дораме он может создавать золото, а имя Шин – на человеческую сущность (черта характера персонажа). Сплав мифологического и фольклорного, выдуманного и основанного на литературных источниках, единение потустороннего и посюстороннего, проявление человеческого и божественного начал заключено в персонаже Ким Шина.

Ван Е (Жнец) – ангел смерти, ставший таковым за самоубийство. Как и Токкэби, бессмертен, но жнецы ничего не помнят о своих прошлых жизнях и их главная обязанность – проводить душу умершего в загробный мир. В сущности Жнеца уже заключено пограничное состояние: «Те, кто совершают самоубийства, перерождаются как жнецы, чтобы вблизи соприкоснуться со смертью и прожить жизнь на границе между миром живых и мертвых». Жнецы, благодаря своему пограничному существованию, способны жить как люди (они арендуют квартиры, едят, работают и заполняют отчеты, ходят на корпоративы, в кафе), но, выполняя обязанности проводника душ, они надевают шляпу, которая делает их невидимыми для мира людей. Имя персонажа Ван Е также имеет двойственную природу: 王 (Ван) = король. Три горизонтальных линии означают Небеса, Человека и Землю; вертикальная – это король, отсюда следует значение иероглифа: король, который соединяет небеса, человека и землю, также это означает, что отказ от поддержания священной связи или выполнения указа править справедливо будет караться Небесами [9]. Это отсылка к прошлой жизни персонажа, когда он был королем, который приказал бить Ким Шина. 黎 (Е) = темный, черный; рассвет; простолудин [9] – отсылка к его сущности ангела смерти, одетого всегда во все черное.

Чжи Ынтак – невеста Токкэби, имеющая метку и способная видеть призраков. Ее рождение было бы невозможно без вмешательства Ким Шина (он спас ее уже беременную мать от смерти). Вернув к жизни мать и еще не родившегося ребенка, Ким Шин способствовал появлению пограничного существования у Чжи Ынтак. С одной стороны, она не должна была родиться, но из-за вмешательства Токкэби появилась на свет, тем самым став пропавшей душой (из-за этого в девять, девятнадцать и двадцать девять лет она встречалась со Жнецом и ей грозила смерть). Став невестой Токкэби с самого рождения, Чжи Ынтак постоянно соприкасалась с миром мертвых, и ей грозила смертельная опасность. С другой стороны, она была человеком с непростой жизнью. Имя также имеет двойное значение 池 (Чжи) = пруд; омут; канава – отсылка к пропавшей душе. 恩 (Ын) = благосклонность; благодать; изящество; любовь; доброта 倬 (Так) = сияющий; прекрасный; высокий и большой – характеризует ее человеческие качества и роль невесты Токкэби – освобождение его от вечного существования [9].

Санни (Ким Сан) – в прошлой жизни была сестрой Ким Шина и Королевой, но была убита. Несмотря на то, что она человек, ее двойственное существование заключалось в том, что она вспомнила свою прошлую жизнь, снова влюбившись в Ван Е (как было в ее прошлой жизни). Имя также несет двойное значение: 金 (Ким) = золото, железо – ука-

зывает на родство с Токкэби и 善 (Сан) = добродетельный, добрый, хороший, милосердный (иероглиф состоит из двух частей: 言 (много) и 羊 (козел отпущения [= жертва; много говорить]) – означает, что человек с таким именем говорит доброжелательно, а также бескорыстный и самоотверженный [9]. Ким Сан как в прошлой, так и настоящей жизни принесла свою любовь к брату и мужу в жертву – в первом случае, умерев, во втором – проведя остаток жизни в одиночестве и вдали от Ким Шина и Ван Е.

Ю Докхва – наследник крупной компании, из семьи, которая на протяжении многих поколений прислуживала Токкэби. Примерное значение имени персонажа – путешествие по пути к добродетели: 柳 (Ю) = ива; созвездие; 德 (Док) = мораль; этика; добродетель; 華 (Хва) = прославленный, великолепный; процветать; цветочный [9] – демонстрирует путь его становления от самовлюбленного, непутевого бездельника до ответственного и компетентного работника и впоследствии президента компании. Еще один важный персонаж, который, помимо своей человеческой сущности, проявил себя посредником между Богом и Жнецом, Токкэби – в его тело вселялся Бог. В драме он являл себя только в двух ипостасях: в теле Ю Докхва и в виде белой бабочки – символа души, бессмертия, возрождения и воскрешения.

Старуха (Богиня-мать) – персонаж, который рассказывает зрителю историю Токкэби, общается, помогает персонажам и в то же время выполняет волю Создателя. В драме появляется в двух ипостасях: в образе старухи, продающей на первый взгляд ничего не значащие вещи (бижутерия, овощи), и в образе молодой и привлекательной женщины в красном одеянии. Ее пограничная природа также проявляется в ее роли: она одновременно выполняет волю Бога в качестве его посланника и помощника (невеста Токкэби должна освободить его) и в качестве хранителя и заботливой «матери» для главных героев.

Пограничная природа персонажей, существование на границе потустороннего и посюстороннего, присутствие мифологических и фольклорных персонажей в сюжете (по этому поводу можно вспомнить утверждение Н. А. Бердяева о том, что «религиозная философия всегда насыщена мифом и не может себя от мифа очистить...» [1]), объединение различных религиозных систем, наличие пограничных мест и большое внимание к пограничным состояниям (забвение, страх, страдание, смерть), ситуациям, к поиску человеком смысла жизни, ответов на экзистенциальные вопросы собственного существования, попыткам найти связь с Богом, акцент на человеке как движущей силе собственного существования, несущей ответственность за него и

свои действия подчеркивает экзистенциальный характер и настроение корейской драмы «Токкэби».

Библиографический список

1. Бердяев, Н. А. Философия свободного духа [Текст] / Н. А. Бердяев. – М. : АСТ, 2006. – 416 с.
2. Бердяев, Н. А. Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого [Текст] / Н. А. Бердяев. – М. : АСТ, 2006. – 352 с.
3. Больнов, О. Ф. Философия экзистенциализма [Текст] / О. Ф. Больнов. – СПб. : Лань, 1999. – 222 с.
4. Концевич, Л. Р. Квисин [Текст] / Л. Р. Концевич // Мифы народов мира : энциклопедия : в 2 Т., (глав. ред. С. А. Токарев) [Текст]. – М. : Советская энциклопедия, 1987. – Т. 1. – С. 632.
5. Концевич, Л. Р. Токкэби [Текст] / Л. Р. Концевич // Мифы народов мира : энциклопедия : в 2 Т., (глав. ред. С. А. Токарев). – М. : Советская энциклопедия, 1987. – Т. 2. – С. 517.
6. Сартр, Ж.-П. Экзистенциализм – это гуманизм [Электронный ресурс] / Ж.-П. Сартр. – Режим доступа: <http://litresp.ru/chitat/ru/%D0%A1/sartr-zhan-polj/ekzistencializm--eto-gumanizm/1>
7. Хайдеггер, М. Бытие и время [Текст] / М. Хайдеггер. – М. : Республика, 1993. – 448 с.
8. Ясперс, К. Духовная ситуация времени [Текст] / К. Ясперс. – М. : АСТ, 2013. – 288 с.
9. Персонажи и их имена на иероглифах Ханча [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://vk.com/page-6397949_53139919

Bibliograficheskiy spisok

1. Berdjaev, N. A. Filosofija svobodnogo duha [Tekst] / N. A. Berdjaev. – M. : AST, 2006. – 416 s.
2. Berdjaev, N. A. Jekzistencial'naja dialektika bozhestvennogo i chelovecheskogo [Tekst] / N. A. Berdjaev. – M. : AST, 2006. – 352 s.
3. Bol'nov, O. F. Filosofija jekzistencializma [Tekst] / O. F. Bol'nov. – SPb. : Lan', 1999. – 222 s.
4. Koncevich, L. R. Kvisin [Tekst] / L. R. Koncevich // Mify narodov mira : jenciklopedija : v 2 T., (glav. red. S. A. Tokarev) [Tekst]. – M. : Sovetskaja jenciklopedija, 1987. – T. 1. – S. 632.

5. Koncevich, L. R. Tokkjebi [Tekst] / L. R. Koncevich // Mify narodov mira : jenciklopedija : v 2 T., (glav. red. S. A. Tokarev). – M. : Sovetskaja jenciklopedija, 1987. – T. 2. – S. 517.

6. Sartr, Zh.-P. Jekzistencializm – jeto gumanizm [Jelektronnyj resurs] / Zh.-P. Sartr. – Rezhim dostupa: <http://litresp.ru/chitat/ru/%D0%A1/sartr-zhan-polj/ekzistencializm--eto-gumanizm/1>

7. Hajdegger, M. Bytie i vremja [Tekst] / M. Hajdegger. – M. : Respublika, 1993. – 448 s.

8. Jaspers, K. Duhovnaja situacija vremeni [Tekst] / K. Jaspers. – M. : AST, 2013. – 288 s.

9. Personazhi i ih imena na ieroglifah Hancha [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: https://vk.com/page-6397949_53139919

Reference List

1. Berdyaev N. A. Philosophy of free spirit. – M. : ACT, 2006. – 416 p.
2. Berdyaev N. A. Existential dialectics of divine and humanv. – M. : ACT, 2006. – 352 p.
3. Bolnov O. F. Philosophy of existentialism. – SPb. : Lan, 1999. – 222 p.
4. Kontsevich L. R. Kvisin // Myths of the world peoples: encyclopedia: in 2 v. (editor-in-chief S. A. Tokarev). – M. : Sovetskaya entsyklopedia, 1987. – V. 1. – P. 632.
5. Kontsevich L. R. Tokkebi // Myths of the world peoples: encyclopedia: in 2 V. (editor-in-chief S. A. Tokarev). – M. : Sovetskaya entsyklopedia, 1987. – V. 2. – P. 517.
6. Sartre J.-P. Existentialism is humanity [An electronic resource]. – Access mode: <http://litresp.ru/chitat/ru/%D0%A1/sartr-zhan-polj/ekzistencializm--eto-gumanizm/1>
7. Heidegger M. Life and time. – M. : Respublika, 1993. – 448 p.
8. Jaspers K. Spiritual situation of time. – M. : ACT, 2013. – 288 p.
9. Characters and their names on Hanja hieroglyphs [An electronic resource]. – Access mode: https://vk.com/page-6397949_53139919